

необходимость связи народной культуры с культурным достоянием всего человечества. В статье «Разделение поэзии на роды и виды» Белинский писал: «Чтобы эпопея, будучи в высшей степени национальным, была бы в то же время и художественным созданием, — необходимо, чтоб форма индивидуальной народной жизни заключала в себе общечеловеческое, мировое содержание. Такова была индивидуальная жизнь греков — и потому даже младенческий лепет их космогонических и теогонических песнопений заключает в себе идеи, которые впоследствии сделались достоянием всего человечества... Вот почему «Илиада» и «Одиссея», будучи национально-греческими созданиями, в то же время принадлежат всему человечеству» и т. д. (Б., VI, 90—91).

Эти сентенции Потугина и дали главным образом повод для обвинения Тургенева в равнодушии к народному творчеству, в непонимании и даже отрицании народной поэзии. Однако вопрос о значении реплик Потугина о народной поэзии гораздо более сложен. Во-первых, нельзя сводить воззрения Тургенева на народную поэзию только к сентенциям Потугина. Взгляд Тургенева на народную поэзию был значительно шире и глубже. Во-вторых, нельзя считать и самого Потугина абсолютным отрицателем народного творчества. Его отношение к русской народной поэзии противоречиво и отнюдь не свидетельствует о равнодушии к ней — наоборот, он сам упрекает Литвинова в равнодушии к «словесности» русского народа (Т., IX, 143). Суждения Потугина имеют полемический характер и направлены, как и прочие его замечания, против славянофильства и против реакционной дворянской, охранительной литературы. Дело не в отрицании народной поэзии и культуры как таковой, но в борьбе с народной отсталостью, являющейся тормозом прогрессивного развития народа, и в борьбе с ее апологетами — славянофилами. В этом отношении влияние Белинского несомненно, но воспринято оно чисто внешне и формально, что неизбежно приводило к вульгаризации подлинных мыслей Белинского.

В-третьих, нельзя совершенно безоговорочно и столь упрощенно-категорически утверждать абсолютное тождество Тургенева и Потугина. Конечно, во многих случаях Потугин является рупором самого автора, который неоднократно устами Потугина высказывает свои заветные и дорогие ему мысли¹², — но, вместе с тем, Тургенев заставляет Потугина высказываться нарочито парадоксально и доводить свои мысли до крайностей. Роль Потугина в романе очень хорошо истолкована весьма осведомленным Анненковым, опиравшимся в своем анализе, несомненно, и на разъяснения самого Тургенева. Потугин, писал Анненков, играет роль «древнего хора» и ведет речь «отчасти за себя, весьма часто за автора и постоянно, неуклонно за литературную партию, олицетворением которой он и должен считаться»¹³. Это глухое упоминание о «литературной партии», к которой принадлежал Потугин, легко расшифровывается с помощью самого Тургенева, который в письме к Писареву характеризовал Потугина как «закоренелого и заклятого западника» (т. е. западника-либерала и постепеновца). Тургенев тут же добавлял, что «это лицо (т. е. Потугин. — М. А.) ему дорого»¹⁴.

Во взглядах Потугина на народную поэзию следует усматривать не воззрения самого Тургенева (хотя частично они и совпадают), но воспроизведение взглядов некоторой части либерального западничества. И, конечно, автор «Певцов» и «Русского языка» никогда бы не заявил — даже и в полемическом плане, как это делает Потугин, — что все наше «так называемое народное творчество» — «есть нелепость и чепуха» (Т., IX, 79)

¹² См. названный выше комментарий к «Дыму», Тургенев, IX, стр. 433.

¹³ П. В. Анненков, Воспоминания и критические очерки, т. II, СПб., 1879, стр. 345.

¹⁴ «Радуга», II, 1922, стр. 223.